

— Я попал в капкан кинематографического стереотипа. Никто в зрительном зале не хочет признавать иного актера Делона, кроме Делона-соблазнительа, Делона-гангстера или Делона-полицейского. Это моя сценическая трагедия; я никак не вырвусь из замкнутого круга, никто не желает видеть актера Делона, раненного не револьверным выстрелом, а косым взглядом друга, подлостью, уходом любимой. Это, мол, не для него, толкуют критики, — Ален Делон безнадежно машет рукой и раздраженно швыряет сигарету в пепельницу.

На Швейцарском телевидении закончилась запись передачи «Ален Делон—крупным планом» для недели показа фильмов с его участием на телеэкране. Сейчас, выкроив немного времени из плотного графика, актер беседует с журналистами.

— Я снимаюсь в кино уже более двадцати пяти лет, но критика видит только одного Делона, — продолжает актер. — Драма «Рокко и его братья» и детектив «Место под солнцем», различные коммерческие фильмы и экранизация классиков — это ведь разный Делон. Но нетребовательные зрители и критики забывают об этом, они хотят вогнать актера в привычные для них рамки, видеть его таким, каким привыкли или хотят видеть. Я знаю много примеров, когда мои коллеги старались изменить свое кинематографическое амплуа, привычный для зрителя стереотип, но потом сдавались и делали то, чего ждал от них уставший от забот и жизненной невротичности зритель.

Порой я читаю благоглупости критиков: Делону, мол, легко — вышел на съемочную площадку, закурил сигарету, поправил привычным жестом шляпу, и пошло-поехало... Но легкость, естественность таит в себе многие годы труда, бессонные ночи, бесконечные поиски образа. Например, Чаплин. Вроде бы ничего особенно не делает на экране, прогуливается себе с тросточкой. Многие потом пытались скопировать его походку, одежду, но

«ЗВЕЗДЫ» БЕЗ ГРИМА

гений перевоплощения остался неподражаемым: странно было бы представить в этой роли кого-то другого. Выше всех театральных школ ценю школу жизни, «школу улицы». Я не играю роль, я живу в роли — с меньшей или большей долей профессионализма. На нынешней стадии моей работы в кино стараюсь выбрать (как правило, в кино тебя выбирают режиссеры; выбирать фильм для себя — это право немногих) героев, не похожих на меня, полностью отличных от привычного стереотипа. И в таком образе пытаюсь жить, страдать, как страдал он. После выхода нового фильма я часто встречаю незнакомых людей на улице, которые говорят мне: «Вы опять играете себя, я сразу узнал вас». Но так и писателя можно узнать в его героях, разве это преступление? Я выбираю определенную манеру поведения на экране; ее подсказывает мне мой внутренний голос, мое «я». И для меня всегда важно, будет ли волновать зрителя моя трактовка образа, заденет ли она его за живое, заставит ли задуматься, измениться.

Журналисты просят рассказать о работе над фильмом «Любовь Свана» по роману Марселя Пруста «По направлению к Свану» из знаменитого цикла «В поисках утраченного времени».

— Я играю в фильме барона Шарлюса. Принял без всякого размышления эту роль, как только мне ее предложили. Я сделал это в память о Лукино Висконти. Скажу откровенно (правда, за откровенность мне частенько достается от критиков), мне не особенно нравятся фильмы «по Прусту». И наш фильм не отражает подлинного Пруста. В фильме от романа осталась только любовная интрига; мы далеки от романа и от того фильма, который хотел сделать Висконти. Ему не удалось поставить фильм по Прусту:

ИСПОВЕДЬ АКТЕРА

слишком велики были расходы, а французское правительство, к которому он обратился за помощью, отказалось финансировать фильм или хотя бы покрыть часть расходов по съемкам. Висконти хотел сделать фильм, в котором был бы виден, по его словам, «настоящий Пруст», и только он один мог бы это сделать. Висконти хотел пригласить Марлона Брандо на роль барона Шарлюса, Софи Лорэн на роль Одетты де Кресси и меня на одну из второстепенных ролей. Фильм не сняли еще и потому, что в Соединенных Штатах, где хотели организовать прокат, провели предварительный опрос, и только в университетских кругах высказались за его постановку. Кто же будет снимать фильм, который может оказаться нерентабельным? Сценарий переходил от одного режиссера к другому и попал наконец к Фолькеру Шлендорфу, который пригласил на роль Одетты известную итальянскую актрису Орнеллу Мути и меня на роль Шарлюса.

— Почему я так спешу, почему снимаюсь в стольких фильмах? — Делон сдвигает брови. — Закон нашей жизни сейчас такой: кто не успел, тот опоздал. Я люблю жить напряженно, люблю схватки, риск. Мой отдых — в перемене рода деятельности: сегодня выступаю как актер, завтра ставлю фильм, послезавтра я — деловой партнер в разных фирмах. Я жажду, — смеется Делон, — до жизни, до работы. Не терплю ленивых людей, маменькиных сынков. Жизнь не очень баловала меня. Знаете, остаться без матери, которая бросила тебя одного, а потом узнать, что она выпустила книгу о себе и о тебе — о том, как тебя воспитывала... Никому я бы не пожелал такое пережить...

Делон останавливается, возникает пауза в беседе. Действительно, жизненный

путь актера не был усыпан розами. Один, без поддержки, ошибаясь, приученный и героями своих фильмов, и своей жизненной практикой сначала отвечать на удар, а потом размышлять, он и сейчас считает, что живет в мире джунглей.

— Да, мы живем по закону джунглей, но в джунглях, утолив голод, зверь не станет убивать еще. В мире бизнеса пощадить нет; конкуренция на Западе оправдывает любые средства. Американцы ограничили свой кинорынок и не пускают в Штаты даже самые лучшие фильмы из Западной Европы, считая, что люди должны смотреть их стандартную чепуху — голливудские поделки, поставленные на конвейер... Взгляните вокруг — насилие стало нормой жизни. Я плачу телохранителю, мой дом и меня защищают круглосуточно. Разве это нормально? Разве нормально, что в мире каждую минуту умирают от голода двадцать семь человек? Как в наше время возможно такое — умереть от голода и, главное, как можно спокойно смотреть на это?

Киноискусство по пятам следует за жизнью и, как в зеркале, отражает печальную реальность. Жестокость на экране — следствие, а не причина. Но существует и обратная связь, влияние на молодежь — в этом виновна коммерческая сторона кинематографа, желание попросте и побольше заработать.

В последнее время я часто думаю: можно ли бороться «против преступности в бабочках», против тех, кто стоит у кормила власти, против тех, у кого в руках находятся рычаги управления? Недавно снял фильм на эту тему — «Три человека для убийства». Я показал попытку одиночки, правда, не самого лучшего члена общества — игрока в карты, прорвать этот барьер круговой поруки, когда ради

получения большого куша от министерства обороны совершаются самые серьезные преступления, грозящие обернуться катастрофой. Мой герой становится невольным свидетелем закулисных махинаций «сильных мира сего», его стараются убить, купить. Он сопротивляется, кажется, ему удастся сохранить свое достоинство, выйти живым из игры, но он продолжает мешать преступникам, тревожить их, напоминать о прошлом, и герои убивают на Елисейских полях в Париже, хладнокровно, среди бела дня. Такова логика джунглей, «каменных джунглей» — иначе и быть не может. Правда, — печально улыбается Делон, — в Японии при прокате фильма финальная сцена была вырезана. Прокачникам была нужна просто детективная история — занимательная, со счастливым концом, чтобы никого не раздражала и не задевала. Вот и вернулся, как бумеранг, из далекой Японии стереотип Делона-детектива...

Томас Манн как-то сказал: «Талант есть способность обрести свою судьбу». И я согласен с этим. Человек — сложное существо. Его всегда будет преследовать чувство неудовлетворенности. В этом — своя логика и своя прелесть жизни. Часто, особенно по утрам, когда спешка еще не захватила, задаю себе вопрос: а где же твоя судьба, в чем она? Я твердо знаю лишь одно: человек по натуре своей — созидатель. И он не должен быть разрушителем.

Время беседы подходит к концу. Последний вопрос:

— Во что же вы верите, что остается людям?

— Дружба, — не задумываясь, отвечает Делон, — встречи, из которых рождается дружба. Меня однажды предал тот, кого я считал своим другом. Всего один раз я ошибся, но рана живет до сих пор... Дружба, верность — это опора в трудностях, поддержка в борьбе за настоящую жизнь.

Владимир КУЗНЕЦОВ,
соб. корр. «Известий»

ЖЕНЕВА.

Неделю 18, 1984
17-23 сек.